

СЕКРЕТНЫЕ
ЗАПИСКИ О РОССИИ
КОНЦА ХVІІІ ВЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
ПЕРВЫЙ ТОМ	30
Вступление.....	30
Первая тетрадь. ПРЕБЫВАНИЕ КОРОЛЯ ШВЕДСКОГО В ПЕТЕРБУРГЕ	36
Вторая тетрадь. ЕКАТЕРИНА II	64
Третья тетрадь. ФАВОРИТЫ.....	106
Четвертая тетрадь. ВОСШЕСТВИЕ ПАВЛА НА ПРЕСТОЛ....	129
Пятая тетрадь. НАДЛЕЖИТ ЛИ ПАВЛУ СТРАШИТЬСЯ ЖРЕБИЯ ПЕТРА III?	173
ВТОРОЙ ТОМ	224
Шестая тетрадь. КАКИЕ ПЕРЕВОРОТЫ ОЖИДАЮТ РОССИЮ?.....	224
Седьмая тетрадь. ВРОЖДЕННЫЙ ХАРАКТЕР ДВОРЯНИНА, ПРИДВОРНОГО, КРЕСТЬЯНИНА, МУЗЫКАНТА И РУССКОГО СОЛДАТА.....	246
Восьмая тетрадь. РЕЛИГИЯ.....	268
Девятая тетрадь. ЖЕНОВЛАСТИЕ	279
Десятая тетрадь. ВОСПИТАНИЕ.....	300
Одиннадцатая тетрадь. ПРИБАВЛЕНИЕ 1	323
ОПИСАНИЕ ТАВРИЧЕСКОГО ДВОРЦА И ПРАЗДНИКА, ЧТО КНЯЗЬ ПОТЕМКИН ДАЛ ВО ОНОМ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ II.....	341
ПРИБАВЛЕНИЕ О КОРСАКОВЕ.....	345

ТРЕТИЙ ТОМ	346
Предисловие	346
Двенадцатая тетрадь. ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА	351
Тринадцатая тетрадь. ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАЗНА	377
Четырнадцатая тетрадь. КАЗАКИ	405
Пятнадцатая тетрадь. ПОХОДЫ ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ I. В Италию	430
Шестнадцатая тетрадь. ПОХОДЫ ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ II. В Гельвецию	487
Семнадцатая тетрадь. ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ	544
Дополнение 1. Альфонс Форсия де Пилес. Физический клуб	574
Дополнение 2. Август Коцебу. Опровержение «Секретных записок о России»	578
Второй том	582
Именной указатель	589

ВВЕДЕНИЕ

Чем более история изумительна, тем более
изумляешься, что ее принимают за правду.
Вел. кн. Павел Петрович — 2-же Оберкирх, 1782

«Секретные записки о России» Шарля Массона давно стали важным источником знаний для тех, кто изучает отечественную историю рубежа XVII и XIX столетий или просто интересуется периодом, на который пришелся закат блистательного царствования Екатерины II и краткое правление Павла I.

Мое знакомство с ними произошло в конце 1990-х гг., когда впервые за восемьдесят лет они были переизданы. В то десятилетие к отечественному читателю стали массово возвращаться не издававшиеся при советской власти книги, среди которых оказалось немало «мемуаров» и «записок». Сочинение Массона было из тех, которые вызвали мой наибольший интерес, ибо как раз тогда я, будучи студентом-третьекурсником, пришел работать в Гатчинский дворец экскурсоводом, а в книге рассказывалось немало важного и любопытного о людях, связанных с Гатчиной. Я даже помню, как коллега-обладательница томика зачитывала нам в нашей служебной комнате фрагменты глав. Именно тогда я впервые услышал фамилию «министра Маркова»*, его характеристику и узнал о портрете Екатерины II работы И. Б. Лампи. Чуть позднее, увидев его копию в Александровском дворце г. Пушкина, только что открывшемся для публики, я даже тщетно пытался найти морщину на лице императрицы, о которой написал Массон. Копиист, конечно же, не мог повторить ту деталь, от которой отказался сам мастер. Но тогда я еще не знал, что Лампи написал

* В исторических документах его фамилию также пишут «Морков». Я придерживаюсь написания Массона. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

два парадных изображения государыни, и речь в книге могла идти совсем не о том, который оказался передо мной.

Книгу я купил, прочитана она была очень быстро и вся была исполосована карандашом, так как материала для внимания начинающего музейного работника в ней оказалось очень много. Я не придал значения ни биографии автора, ни скромному объему текста — а это был всего лишь неполный перевод, выполненный в конце 1910-х гг. Имеющегося было вполне достаточно.

Спустя более чем двадцать лет мне посчастливилось приобрести трехтомник первого французского издания записок Массона, вышедший из печати Шарля Пужана, в красивом твердом переплете, оклеенном бумагой «черный порфирит» и с коричнево-золотистыми ярлыками на корешке. С электронной версией я уже был немного знаком, но разве может сравниться ее чтение с оригиналом! Я пробежал глазами первую книгу, просмотрел вторую и остановился на третьей, основные главы которой никогда не переводились на русский язык. Описание кампаний павловского времени и малоизвестного даже сейчас Персидского похода 1796 г., материалы о финансовой системе екатерининского царствования и мерах по ее улучшению при преемнике, но особенно глава «Исторические анекдоты», содержащая множество любопытных сведений о людях и событиях, — все это вызвало во мне прилив энтузиазма и побудило взяться за перевод текста.

На форзаце первого тома моего экземпляра стоит карандашная пометка: «Par Masson de Blamont» (сочинено Массоном из Бламона). Возможно, она поздняя, но, даже при всех попытках сохранить инкогнито, уже первым читателям имя стало известно. Один из критиков — француз Альфонс Форсия де Пилес*, в начале 1790-х гг. посетивший Москву и Петербург и считавший себя знатоком России, писал в 1802 г.: «Хотя сочинитель не поставил своего имени, но всем ведомо, что то был некто г-н Массон, француз или, скорее, уроженец княжества Монбельяр, прежде служивший

* В дореволюционной и современной литературе его имя пишется по-разному. Я придерживаюсь варианта, подсказанного мне в 2013 г. сотрудниками Института Франции в Петербурге.

в России. Его произведение наделало много шума, что можно отнести до важности и занимательности предмета»^{*}.

Итак, автором сочинения о России стал Шарль Франсуа Филибер Массон, человек, до издания своих записок не привлекавший внимания. Он не был европейской знаменитостью, был незнатен и небогат. О нем практически никто ничего не написал. Не известны его изображения. По какой-то причине даже парижское переиздание записок 1859 г. не имело полноценного биографического очерка. Поэтому детали его биографии мы, как и прежде, узнаем из собственных рассказов Массона о себе и из краткого очерка в «Эфемеридах графства Монбельярдского», изданных в Безансоне в 1832 г.^{**}

Согласно этим источникам, он родился 22 января 1761 г. во французском кантоне Бламон в Лотарингии, воспитывался в Монбельяре. Это небольшое графство граничило со Швейцарией и в описываемое время входило в зону влияния герцогов Вюртембергских, за что, видимо, и называл себя «швейцарцем или вюртембергцем». Там он получил начальное образование и в Невшателе^{***} начал профессиональную деятельность в звании часового подмастерья. Наверняка, он имел честолюбие и желал открыть для себя новое поприще, поэтому решил попытаться счастья в российской столице, где уже не один год находился его старший брат Андре Пьер, служивший ротным командиром в Артиллерийском кадетском корпусе.

В конце 1786 г. младший Массон прибыл в Петербург и через несколько месяцев вступил в должность преподавателя в том воспитательном заведении. В начале 1789 г., пользуясь дружескими связями, он вошел в семью президента Военной коллегии графа Н. А. Салтыкова в звании его флигель-адъютанта и воспитателя его сыновей, а в 1795 г. его, уже хорошо известного в окружении императрицы, при формировании двора великого князя Алек-

^{*} [Fortia des Piles] Examen des trois ouvrages sur la Russie. Paris, 1802. P. 58.

^{**} [Duvernoy] Éphemerides du Comté de Monbeillard. Besançon, 1832. P. 30–31.

^{***} Невшатель — главный город швейцарского кантона Невшатель, в XVIII в. известный центр торговли, промышленности и банковских услуг.

сандра Павловича назначили на должность великокняжеского секретаря. Много позднее, отвечая на критику Августа Коцебу, о чем у нас будет возможность рассказать далее, Массон писал, что с момента поступления на службу к Салтыкову он поселился в императорском дворце, ел со своим начальником и его семьей за одним столом, неотлучно следовал за ним и сопровождал* двор, поэтому побывал во всех резиденциях, включая Павловск и Гатчину, имел возможность познакомиться с жизнью императорской семьи и знатных придворных особ и даже несколько раз «приблизился» к великому князю Павлу Петровичу.

Сыну Екатерины он, однако, не понравился, и причины такой антипатии ему остались неизвестны. Он только предполагал, что виной были его революционные взгляды — «якобинство»**, как их называли тогда, общение с несколькими женщинами, впадшими в немилость Павла, и вообще «отвращение» великого князя к французам. Но именно эта антипатия нанесла удар по успешной карьере Массона, которая «открывала ему прекрасные виды, а приятный характер, равно как и высокое звание молодого государя [Александра] обещало удачную будущность». В конце декабря 1796 г. оба брата без объяснения их вины были спешно выве-

* Провожал (устар.).

** Известный парижский журнал революционной эпохи «Парижские перемены» (*Révolutions de Paris*) в № 20 за 1789 г. опубликовал «Обращение к г. Неккеру французской народности, в Петербурге водворившейся», в котором имелись такие характерные для революционного времени слова: «...Мы живем с одною из народностей гиперборейских, но ледяные горы той стороны не охладили наших душ. Твой кипящий гений воспалил в нас тот патриотический пламень, что и тебя возжигает... Наставник Франции, восстановитель старинной вольности, ты пришел для избияния ужасной гидры тирании... Мы восчувствовали и разделили твои тяготы... Ожидая, что бронза изобразит тебя в столице, в своих сердцах мы учреждаем ради тебя алтари... В сем тебя уверяют ревностнейшие единомышленники вольности и блага и вместе с тем твои искренние почитатели». Обращение подписали семь французов на русской службе, среди них и некий «Массон». Отсутствие инициалов и должности затрудняет определение его персоны и не позволяет утверждать, что это был именно Шарль Массон, но такая неопределенность подает и причину для подозрений.

зены в Курляндию, вынужденно оставив в Петербурге свои семьи, и далее оказались предоставлены сами себе. Обстоятельства последовавших за тем лет их жизни почти не известны, хотя многое бы объяснили*. По слухам, по вступлении на престол Александра I младший Массон просил дозволения вернуться в Петербург, но император, зная о его книге, якобы ответил в письме, что «его владения открыты для всякого, но он не столь великий враг ему, чтоб позволить вступить в оные»**. В июне 1807 г. Массон скончался в Кобленце в возрасте 45 лет.

Особенность представителей французской нации (по крайней мере, XVIII столетия) в том, что они везде и всегда чувствовали свое превосходство, смели обо всем судить с видом знатока и раздавать советы даже высочайшим особам. Они преподносили себя самой свободной нацией мира и обличали пороки других народов и стран, не замечая своих. Другая особенность та, что многие французы обладали литературными дарованиями и вообще чувствовали в себе склонность к тому или иному разделу науки или виду искусства. Много позднее Илья Эренбург даже подметил, что литературный труд для француза сродни второй профессии. Действительно, известно немало представителей этой нации, среди которых имеются даже мушкетеры и священники, оставившие в литературном и научном наследии своей страны заметный след как писатели, теоретики архитектуры, хроникеры и т. п. А сочинение стихов в XVIII в., вообще, стало почти обязанностью всякого воспитанного человека.

У Шарля Массона имелись литературные и поэтические способности. Еще до приезда в Россию он составил оригинальное учебное пособие, которое затем не раз издавал в Петербурге

* Здесь мы можем отослать заинтересованных читателей к очень старой, но не утратившей своего значения статье Д. Д. Рябина «Высылка из России братьев Массон», опубликованной в сборнике «Русская старина» в 1876 г. (Т. 15. С. 548-585).

** Цит. по: Золотой век Петербурга в описаниях европейских путешественников 1778-1812 годов / сост. и коммент. А. Н. Спацанского. СПб., 2017. С. 76-77.

и в других европейских столицах — «Памятный курс географии». Он выделялся тем, что все важные географические названия и понятия были зарифмованы и переданы в александрийском стихе. В российской столице француз начал сочинять посвящения высочайшим особам, сказки. Позднее он утверждал, что даже поэму «Гельветийцы», воспевающую свободолюбие швейцарцев, он сочинил в России. Она была опубликована в Париже в 1800 г. с посвящением «герою Бонапарту» и получила высокую оценку представителей Национального института Франции*. В 1802 г. он издал «Оду на учреждение республики», а в 1805 г. — «Новую Астрею или Романтические приключения минувшего времени», «роман», предмет которого заимствован в преданиях герцогства Монбельярдского. 1803 г. отмечен появлением и серьезного труда — «Статистического описания департамента Рейн-Мозель», что связано с тогдашней должностью Массона как генерального секретаря префектуры того департамента.

Посмертную славу, однако же, он снискал «Секретными записками о России». Они вышли одновременно в Париже и в Амстердаме: первые два тома — в 1800 г., третий — в 1802 г. Однако на экземпляре третьего тома из моего собрания рядом с годом выхода на титульном листе первый читатель оставил пометку «1801». На этот же год указывает и автор в своем предисловии. Различия между вариантами кроются в формате. Амстердамский издатель не поскупился на фронтисписы с портретами Екатерины II (1 том), Павла I (2 том) и Суворова (3 том), заимствованными из книги Ж.-А. Кастера, о которой мы скажем позднее. Комментарии он расположил внизу страниц, но не нумеровал главы. В этом смысле парижский вариант кажется скромным и неудобным для чтения: в нем нет иллюстраций, а комментарии вынесены в конец каждой главы. Незначительные разночтения (редкие ошибки наборщиков) между оригинальной книгой и известной мне электронной версией свидетельствуют, что парижский вари-

* Гельветическая республика или Гельвеция — название Швейцарской конфедерации в 1798-1803 гг., когда она находилась под властью Франции.

ант имел несколько тиражей, вероятно, вызванных повышенным читательским спросом.

Полное название сочинения по тогдашней традиции довольно обстоятельно и содержит в себе всю необходимую информацию: «Секретные записки о России и особенно о конце царствования Екатерины II и о начале царствования Павла I. Составляющие картину нравов Санкт-Петербургских в конце XVIII века». Далее, на титульном же листе автор извещает читателя, что его сочинение содержит рассказы о планах Екатерины в отношении сына и о причудах последнего, описывает несостоявшийся брак великой княжны Александры с королем шведским, нравы главных людей того двора, в частности, Суворова и т. п. Информация с титульного листа третьего тома меняется соответственно содержанию: это рассказы о Персидской войне, походы русских войск против Франции в Италию и Швейцарию, о немилости и смерти Суворова, финансовых «изворотах» Павла I и т. д. Такие подробности были бесполезны, ибо к моменту публикации записок европейский читатель уже был насыщен знаниями о екатерининской России, и его внимание к новой книге нужно было как-то привлечь. Думается, что немало способствовала этому и заявленная в названии секретность, которая всегда привлекает публику.

Массон не относится к числу историков. Он представитель той категории писателей, которых можно назвать «авторами анекдотов». Во Франции таких всегда было много, а в XVIII столетии, как кажется, стало еще больше. Они рассказывали о прошлом через малое, т. е. сообщали читателю какие-либо достопамятные события из жизни известного человека, что и называлось в то время «анекдотом». Очень характерны для французской литературы XVIII столетия и памфлеты, обличительные литературные сочинения, которые настраивали общественное мнение против каких-либо важных особ. Часто предметом критики становились королевские фаворитки, а в годы, предшествовавшие Французской революции, — королева Мария-Антуанетта и отчасти ее супруг-король. Названия таких книг несли в себе тайну и сенсационность: «Секретные записки», «Подлинные записки», «Историче-

ские записки или Анекдоты», «Подлинные письма» и т. д. Почти все они издавались анонимно, и это позволяло сочинителям без всякой скромности показывать распутство и злоупотребления высочайших особ, пусть даже мнимые. Часто такие сочинения занимательны, но правду в них искать не стоит.

Французская революция, начавшаяся в 1789 г., привела к быстрым и серьезным переменам в обществе и повернула литературный поток в новое русло. Сочинения этого периода отличаются крайним антимонархизмом и антицерковностью. Назовем здесь наиболее известное и нашумевшее — комедию «Последний суд над королями» Сильвена Марешаля. Ее премьера состоялась в Париже в 1793 г. на второй день после казни Марии-Антуанетты. Автор горделиво назвал ее «пророчество», но в наше время она служит показателем деградации французского театра того времени. Действие в ней происходит на диком острове, на который каким-то образом занесло не только представителей всех освобожденных народов Европы, но и их бывших «тиранов». Друг за другом на сцену выходят папа римский, императоры, короли. Русский санкюлот (!) выводит Екатерину II и сообщает зрителю о ней все то, что уже отложилось в массовом сознании: «В прежнее время она была госпожа имперский шаг* или, если кому нравится более, Катька, Северная Семирамида**, женщина превыше своего пола, ибо не знавала ни добродетели, ни стыда, безнравственная и бесстыдная. Она велела умертвить своего мужа, дабы не имела сотоварищей на троне, но имела предостаточно оных в своей нечистой постели». После выхода «тираны» начинают диалог, переходящий в нелепый спор и драку (Екатерина II, например, бьет папу римского скипетром, а тот бросает в нее свою тиару).

* Такое название — «Имперский (или Большой) шаг» (l'Enjambée Impériale) имеет гравюра, выпущенная несколькими годами ранее и посвященная амбициозному плану русской императрицы завоевать Турцию. На ней она изображена легко перескакивающей из России в столицу Оттоманской империи. Судя по реплике в пьесе, «имперский шаг» не только название гравюры, но и бытовавшее в европейском обществе прозвище императрицы.

** Екатерину II нередко величали Северной Семирамидой, сравнивая с царицей Ассирии, правившей в IX в. до н. э.

Очевидно, комизма добавляло то, что императрицу играл мужчина — известный в свое время актер Комеди-Франсез Антуан Мишо. Но вот, наконец, свершается последний и естественный суд: извергавшийся все время действия вулкан выбрасывает море огненных камней, остров загорается, и «тираны» проваливаются в распахнувшуюся пропасть.

Смерть Екатерины II освободила мнимых европейских историков, памфлетистов и книгоиздателей от молчания и открыла путь «Подлинным запискам», «Разговорам в царстве мертвых», «Очеркам жизни», «Частной жизни» и т. п. Среди них сенсационным и выдающимся можно назвать двухтомник «Жизнь Екатерины II» Ж.-А. Кастера, задуманный в последние годы царствования императрицы как памфлет, но явившийся свету только в 1797 г. и превращенный автором в летопись жизни и царствования российской государыни. Привлекательным его делали многочисленные портретные иллюстрации, к которым при переиздании в 1800 г. (в переработанном виде с названием «История Екатерины II») добавились большие карты Российской империи и земельных приобретений при разделах Польши. Автор привлек немало число документов, ставших доступными благодаря революции, и литературных источников, которые заставили публику на целых семьдесят лет уверовать в то, что все рассказанное — подлинная правда. И только постепенное обнародование исторических документов, начавшееся в середине XIX в., навсегда поставило книгу на самую дальнюю полку библиотек. Хотя все же жаль, что ее никогда не издавали в русском переводе. Она не заслуживает забвения*.

В 1797 г. было издано знаменитое сочинение К. К. Рюльера о перевороте 1762 г., распространявшееся до этого в рукописных копиях и устных рассказах. А еще спустя два года Франция произ-

* О ее популярности в России в XIX в. свидетельствуют рукописные списки и переводы, хранящиеся в отечественных библиотеках и архивах. Исследователь французской россики В. А. Сомов насчитал два списка и одиннадцать переводов, дошедших до нашего времени. Подробнее: Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986. С. 215-221.

вела на свет шедевр псевдоисторической литературы — трехтомник «История Петра III» Ж.-Ш. Тибо де Лаво, в котором Екатерине был отведен отдельный том — «Тайные истории любви и главных любовников Екатерины II, императрицы Российской»*. Это компилятивное сочинение и в первую очередь указанная часть, имевшая целью показать императрицу как распутницу на троне, а других европейских монархов и министров униженно склонившимися перед ней, вызвало немало заслуженной критики, ибо содержало множество придуманных историй и преувеличений. Но, например, известный мне экземпляр имеет множество пометок — следов внимательного чтения нескольких человек, следовательно, «Тайные истории» воспринимались современниками как труд серьезный.

Все приведенные примеры показывают, что Массон писал книгу о современной ему России не на пустом месте. Ему было от чего отталкиваться, и его «Секретные записки» продолжили тему, начатую Французской революцией. Работу над первыми двумя томами он закончил в 1799 г., когда еще находился в Германии, и в следующем году они вышли в свет. Если верить «уведомлению» издателя и нескольким отсылкам в тексте, в первоначальный план автора входил и третий том, но его публикация была отсрочена и волей случая совпала с неожиданной смертью Павла I, злого гения Массона.

Текст разделен на тематические главы, которые в парижском издании именованы «тетрадами». В первом томе их пять, и они посвящены событиям недавних лет, которые могли вызвать наибольший читательский интерес: характеру Екатерины II и ее сына Павла I, их наиболее примечательным деяниям, фаворитам императрицы, ее кончине, несостоявшемуся браку великой княжны Александры Павловны и др. Второй том дополняет знания о современной России сообщениями о политике, культуре, нравственности русского народа, его характере и религиозных взглядах. Тематика последнего тома — внешняя политика России и все, с ней связанное:

* Он опубликован целиком в русском переводе в сборнике «Петр III и Екатерина II: Тайные истории любви и смерти в книгах европейских авторов XVIII века» (СПб., 2019).

Персидский поход и кампании Суворова, неведомое во Франции того времени казачье воинство, финансы, обеспечивающие войну и даже иногда ее побуждающие и др. В последней дополнительной главе собраны рассказы о людях, происшествиях, событиях и явлениях, чем-либо запомнившихся Массону и не нашедших себе места в уже опубликованных материалах. В самом конце тома читатель находит собрание избранных указов Екатерины II и Павла I, объединенных названием «Оправдательные бумаги». Очевидно, они должны были показать странность и дикость российской политики и подтвердить правоту автора в глазах критиков. Ведь среди прочих им были избраны указы 1797 г. об установлении цензуры книг и об изъятии из газет 1762 г. листов, содержавших пространный указ Екатерины II, во всех подробностях расписавший свержение Петра III, законы о телесных наказаниях, усыновлениях, закон о престолонаследии и др.

Несмотря на немалое число статей, посвященных «Секретным запискам», о причинах их написания мы по-прежнему знаем немного. Сам Массон скорее обманывал читателя, чем рассказывал правду. Двигала ли им только злоба на Павла I, оборвавшего его удачную карьеру на взлете, и он выступил в роли судьи? Но чем объяснить потоки грязи, вылитые на Екатерину II, которая ничего плохого ему не сделала, и при дворе которой он жил легко и сытно, бравируя своей революционностью, полный надежд на счастливое будущее? Мстил ли он российским «тиранам» за униженное состояние крестьян, о которых он между тем отозвался не очень лестно. Может быть, его интересовал помимо прочего и заработок, поэтому, думая о возбуждении интереса к своему сочинению, он наполнил книгу множеством пикантных подробностей, на которых так падок неискушенный читатель? А может быть, он пытался заработать право вернуться на родину (в 1793 г. он вместе с другими соотечественниками, находившимися в России, присягой отрекся от революционного отечества, чем закрыл путь домой, о чем пишет в 12 главе), желая показать, что даже за пределами родного государства остался пламенным патриотом и разделял идеалы революции?

В четвертом томе, добавленном к объему сочинения при переиздании в 1804 г., он называет еще одну причину — антифранцузскую политику России. Не сделано ли такое признание задним числом? Между тем именно в 1804 г. он признается и в том, что не все, сообщенное им, правдиво! «Его надежды разрушены, честь опозорена, — пишет он о себе от третьего лица, — малые деньги рассеяны, десять лет службы, в его жизни прекраснейшие, навеки потеряны <...>. Возмущенный несправедливостью и произволом, что глубоко его изумило, он изложил в записках свои замечания о России. От его пера не надобно ожидать умеренности и снисхождения. С чудовищной жестокостью были разорваны все связи с империей, которая стала для него вторым отечеством <...>. Мы, однако же, не утверждаем, что все, в записках содержащееся, несет в себе верную подлинность. Противно тому, мы уверяем, что там содержатся преувеличения, неосторожные суждения и разные анекдоты, которые хоть и происходят из хорошего источника, но всего на все анекдоты <...>. Не будет ли вздором обвинять его в преступлении, что открыл жестокую правду, касающуюся князей, министров и русских генералов, когда его долгом и долгом его соотечественников было бы убить или пленить оных, ибо с мечом и огнем шли для погубления его сограждан и разорения и подчинения его страны?»*

Но и это не все! Еще одну причину, политическую, Массон указывает в предуведомлении к четвертому тому. Это оправдание не менее любопытно: «В минуту, когда Франция одолела ярость неприятеля и даже преступления своих защитников; в минуту, когда основания нравственного возрождения и политического совершенствования, наконец, преобладают, но когда крайности и вызванные ими заблуждения угрожают сделать их вовеки гнусными, было важно показать, как деспотизм, укрепившийся в пустынных краях Севера, окружает себя всеми готическими**

* [Masson] *Mémoires secrets sur la Russie*. Paris, 1804. Т. 4. Р. 42, 52-53.

** Термин «готический» в описываемое время не только связывался с готикой, но являлся синонимом понятий «старинный», «грубый», «безобразный» и т. п.

предрассудками и церковными глупостями; когда он подкрепляется всеми устарелыми учреждениями веков невежества и суеверий, коих остатки он собирает. Противоположить* унижение, бедность и безнравственность поработанного и еще грубого, но приманчивого своими качествами и естеством народа гражданскому не порядку, порицаемому у нации, которая только что освободилась; показать крайности прекословия** и нелепости произвола власти подле ошибок и неудобностей республиканского правительства значило способствовать замедлению ужасающего движения вспять, уже показавшегося и коего следствием было погрузить Европу в варварство и рабство. Таково было политическое намерение автора «Записок о России»***.

В России «Секретные записки» сразу были запрещены — об этом уведомил своих европейских читателей английский путешественник Джон Карр, побывавший в Петербурге в 1804 г.****, — но все же смогли попасть к русскому читателю: в далеком по тому времени Оренбурге их неполный рукописный перевод появился уже в 1801 г.***** В среде отечественных исследователей Массон давно имеет репутацию человека серьезного и вдумчивого, его же сочинение считается «последовательным» и «вполне правдивым». Кому-то оно кажется даже «ироничным», а местами и «саркастическим». Думается, публикация всего текста позволяет дать более точную оценку.

Уже первые критики не смогли не заметить злобы и пристрастности сочинителя. Не только Форсия де Пилес и Август Коцебу оставили дурные отзывы. Неизвестный журналист «Французского Меркурия» написал о записках, что они «чрезвычайно несекретны», побудила их «охота к оскорблению» и «никакое вро-

* Противопоставить (устар.).

** Противоречия (устар.).

*** [Masson] Mémoires secrets sur la Russie. Op. cit. Т. 4. P. v –vi.

**** Золотой век Петербурга в описаниях европейских путешественников...

С. 76.

***** Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории / под ред. С. П. Луппова. Л., 1986. С. 196.

жденное злопамятство не сможет их оправдать»*. Текст показывает, что автора меньше всего заботила истина и верный портрет представленных им героев. Будучи очевидцем многих событий, он не спорил с общественным мнением и не доискивался до правды, а всего лишь дополнял или усугублял сложившееся в Европе представление. В этом смысле характерен образ Екатерины — старой фурии, предающейся позорному разврату, губительницы законных государей и тирана своей страны. Характерен образ Павла, причудливого деспота, приближающего свой конец. Но еще более характерен образ Суворова, кровожадного старца-варвара, несущего в просвещенную Европу дикость и устарелые предрассудки. Добавим, что исказить его было очень легко, ибо французы полководца не видели, а молва в ожидании вступления русских в Париж разносила слухи один страшнее другого. Не только французам, но и жителям других европейских государств оставались неизвестны и его подлинные изображения! Его представляли очень неверно: то в виде казака, то в виде фантастического гиганта с огромной глоткой, а в одном случае подпись «Суворов» поставили под портретом героя США Джорджа Вашингтона**.

Массон многое перевирает и усугубляет зло. Даже цитируемые им указы видоизменяются настолько, что превращаются в произведения самодуров или распутников. Мы не ставили себе целью выявить все недочеты, но и тех, что указаны в комментариях, уверены, будет достаточно.

Как писал один из исследователей в 1876 г., «вся книга щедро приправлена накипью желчи, дыша в каждом почти слове чувством личного оскорбления, понесенного автором, поэтому для пользования ею, как материалом, необходима большая осмотрительность. События и личности, выведенные в мемуарах Массона, если не искажены в самом существе фактов и характеров, то выставлены в одностороннем освещении или очерчены слишком резкими штрихами». «И тем не менее, — продолжает он, — едва ли кто, читавший

* Цит. по: [Masson] *Mémoires secrets sur la Russie*. Op. cit. Т. 4. Р. xxij.

** Успенский В. М., *Россомахин А. А. и др. Имперский шаг Екатерины: Россия в английской карикатуре XVIII в.* СПб., 2016. Ил. на с. 216.

эти записки, станет отвергать их единственное и неотъемлемое достоинство — интересного современного материала, в котором собрано много данных для будущей дельной разработки»*.

Конечно, не стоит отказывать автору в наличии разума и способности к трезвому суждению. В его произведении мы находим верные записи о крайней роскоши двора и пагубной расточительности государей и знати, об униженном положении крестьян, низведенных до состояния вещи, которых можно было продавать и покупать поштучно, и т. п. Даже по прошествии двух столетий многие описанные вещи вызывают ужас и негодование, но насколько ужасными они казались человеку революционной эпохи и особенно вольнолюбивому французу, который в то время воспринимал всех людей как братство равных!

Массон публикует массу любопытнейших рассказов о представителях высшей аристократии, рядовых дворянах, событиях из жизни императорской семьи, о быте русских солдат, их нравственности, религиозных взглядах, а также немало документов, не известных нам по другим известиям современников и по отечественным публикациям. Много ценных наблюдений и документов содержится в комментариях. Но все трезвые суждения погребены под слоем грязи, который с трудом позволяет распознать правду. Уверен, записки нужно воспринимать в первую очередь как яркий памятник французской россики революционной поры, отразивший на себе все сложности межгосударственных отношений в период взаимной вражды. Однако сам Массон результатом остался доволен. «Эта книга, — писал он в ответе Августу Коцебу с чувством собственного достоинства, — может очернить автора, но миру она полезна, а России принесла добро»**.

* * *

Сразу по выходе французской публикации «Секретные записки» были переведены на несколько европейских языков, что

* Цит. по: *Рябинин Д. Д.* Массон, автор «Секретных записок о России»: 1800–1802 // Русская старина. 1876. Т. 16. С. 385.

** [Masson] *Mémoires secrets sur la Russie*. Paris, 1804. Т. IV. P. 76.

еще больше способствовало их распространению и известности. Англичане познакомились с ними в том же 1800 г., когда в Лондоне вышли первые два тома с названием «Секретные записки о петербургском дворе», объединенные в один, а в 1802 г. вышел третий том*. Текст, правда, был несколько урезан. Публикаторы объяснили, что «из чувства благопристойности и приличия» они были вынуждены «умолчать или смягчить несколько содержащихся в оригинале анекдотов», грубость которых, «несомненно, стала бы оскорбительна для публичного и приватного чувства англичан»**. Действительно, они исключили непристойные и сомнительные истории, рассказывающие о «бесчинствах» престарелой императрицы и ее окружения; отредактировали записи, невыгодные или неприятные англичанам: нелестные отзывы об их государстве и правительстве, похвалы Бонапарту и др. Некоторые куски редакторы изъяли просто потому, что посчитали их не нужными или не интересными соотечественникам, например, подробное разъяснение особенностей русских имен и фамилий. А отдельные фрагменты не попали в текст, вероятно, только из-за того, что переводчик не смог понять их смысла.

* * *

В Дополнении 1 мы решили поместить сообщение о «Физическом клубе», существовавшем в Москве в последнее десятилетие правления великой императрицы. О нем как о символе «испорченности, скотства, смущения нравов и вкусов Екатеринина царствования» Массон поведал с присущим ему гневом. Существовало ли это «единение» людей и каково оно было на самом деле, не является ли рассказ о нем преувеличением или выдумкой, мы узнаем

* В 1801 г. записки были опубликованы так же в Дублине, а в 1802 г. в Вашингтоне. Некоторые английские книги имели подзаголовок «Служащие прибавлением к жизни Екатерины II» Ж. А. Кастера. В 1802 г. в Лондоне вышел и французский текст, имевший загадочное пояснение на титульном листе: «Новое издание, проверенное, исправленное и дополненное». У нас не было возможности его просмотреть.

** [Masson] Secret memoirs of the court of Petersburg. London, 1800. Vol. 1. P. V.

из книги Альфонса Форсия де Пилеса «Путешествие двух французов на Север Европы», изданной в 1796 г. Это крайне любопытное сочинение, ставшее одним из первых настоящих путеводителей по северу Европы и содержащее множество ценных сведений*. Автор совершил путешествие в компании товарища по службе в Королевском полку шевалье де Буажелена, поэтому рассказ ведется от лица их обоих. Общительность и любознательность позволили им попасть в те места, описания которых ни в каких других книгах мы не найдем, и сообщить нам те подробности, которые мы тщетно будем искать даже в архивах. Среди них и сообщение о «Физическом клубе», который был тайным сообществом избранных московских богачей, в свободной любви пытавшихся развеять скуку своей праздной жизни. Путешественник не сыпал гневными эпитетами, не представал нравоучителем, поэтому под его пером клуб не превратился в логово гнусного разврата, как его представил злобный Массон, а если что и удивляло, то не его предназначение, а существование под оком строгой полиции и благопристойный вид его сочленов.

* * *

В Дополнении 2 публикуются выдержки из «Опровержения Секретных записок о России» немецкого литератора и драматурга Августа фон Коцебу. Этот критический обзор первых двух томов приложен автором к его знаменитому «Достопамятному году моей жизни», который стал ответом французу. Этот заочный спор интересен сам по себе, но еще более интересен тем, что побудил Массона на пространный ответ, изложенный им в «Письмах француза к немцу» (1802), которые составили четвертый том переизданных «Секретных записок». Благодаря этому, мы узнаем дополнительные подробности о его жизни в России и его биографии, а так же некоторые имена, скрытые им в первом издании.

* Описание С.-Петербурга и нравов столичных жителей опубликовано в книге «Форсия де Пилес. Прогулки по Петербургу Екатерины Великой» (СПб., 2014).

Август фон Коцебу (1761-1819) происходил из древнего дворянского рода, был выпускником Йенского университета, поочередно занимал высокие должности в европейских столицах, а прославился своим литературным трудом и театральными пьесами. Его прижизненная слава была настолько велика, что значительно превзошла славу Гёте и Шиллера! Все это позволило ему смотреть на безвестного француза свысока, с пренебрежением и даже обвинить его в малообразованности. Форсия де Пилес справедливо упрекнул его в том, что он обошелся с Массоном строго и даже несколько грубо, хотя двигали ими разные мотивы. Так, немецкий драматург, по его словам, был «несом» признательностью русскому императору. Не будем забывать, что после обвинения и ссылки в Сибирь по воле Павла I без объяснения преступления он был возвращен в Петербург и облакан императором. Массона же, по верному замечанию Форсия де Пилеса, изгнанного из России, подвигали не негодование, а мщение, злоба и желание пером достичь того, чего он не сумел добиться другим орудием*.

Коцебу упомянут в тексте записок как плагиатор и автор дурных сочинений**, да и вообще о немцах оставлены нелестные замечания. Можно предположить, что именно это задело немецкую знаменитость и заставило выступить в роли критика. Критический разбор делался по амстердамскому изданию, которое отличается от парижского, как мы уже сказали выше, форматом и нумерацией страниц. Кроме того, французский перевод немецкого текста, которым воспользовались мы***, не совсем точен, поэтому цитаты немного отличаются от оригинального текста. Мы даем «Опровержение» в наиболее интересных фрагментах.

* [Fortia des Piles] Examen des trois ouvrages sur la Russie. Paris, 1802. P. 54.

** См. примечание 22 ко второй главе.

*** Одновременно появилось два перевода, и между ними существуют заметные различия. Даже названия различаются — «Достопамятный год моей жизни» и «Примечательнейший год моей жизни».

* * *

Не всегда критика «Секретных записок» составляла главный предмет труда. В некоторых случаях это были всего лишь упоминания или даже примечания. Именно в примечании к своей книге «История фельдмаршала Суворова, соотнесенная с историей его времени» (Париж, 1809 г.) оставил отзыв Леже Мари Филипп Траншан де Лавернь (1769-1815). «Любопытно прочесть между прочим, — пишет он, — его [Суворова] портрет в труде, названном: «Секретные записки о России и проч.» (том 1-й, между страницами 298 и 306)*. Этот портрет есть совершенное повторение тех ругательств на Суворова, что распространяли в Польше и в Германии. Ежели углубимся во оный и особенно в означенный труд, то увидим, достаточное ли число источников нелепых или поносных слухов, предметом коих был российский герой, мы указали. То хорошо, что в третьем томе своего труда, написанном много позднее первого, автор воздает должное Суворова экспедиции 1799 года в Италию и Швейцарию, сказанное же выше отвергает. Он употребляет решительно другие выражения, иначе рассуждает о Суворове, а иной раз даже поет ему хвалу** . Это разгадать просто. В то время Суворова увидали и узнали во всей Европе, между прочим, и французы, перед которыми он предстал во образе, не соответственном с тем, которого многие тщились изобразить сперва. Стало быть, более не было можно сочинять его портрет по своему произволению; оттоле надлежало показывать ежели и не всю правду, то хотя приближаться ко оной»*** .

Лавернь, служивший во французском драгунском полку, после Французской революции покинул страну и попал в эмигрантский корпус принца Конде. С 1795 по 1797 г. он находился на службе у одного из князей Куракиных, затем жил в Швейцарии и, наконец, в 1800 г. вернулся на родину, где получил должность в книжном хранилище при Военном министерстве. По собственному призна-

* См. с. ????. настоящего издания.

** Как следует из текста, это похвалы не Массона, а тех авторов, которых он цитировал.

*** Laverne de., L. M. P. Histoire du feldmareschal Souvarof. Paris, 1809. P. 442-443.

нию, Суворова он видел в декабре 1795 г. в Петербурге, когда тот с триумфом возвратился из Польши, и с «редким удовольствием» наслаждался видом «сего великого человека». Как свидетельствует «История фельдмаршала Суворова», автор не разделял расхожего мнения о герое, которое зафиксировал Массон, пытался объективно оценивать его личность, военные заслуги и, в частности, его деяния в Польше. Он опровергал мнимые зверства в Пражской битве, приводил доказательства гуманного отношения Суворова к населению и к побежденным, за что, очевидно, и заслужил упрек от читателей. Один из них на титульном листе известного мне экземпляра оставил такую красноречивую запись: «Говорят, написано под влиянием наших врагов, деяния не весьма точны, пристрастность очевидна, но любопытно».

* * *

Оригинальное издание записок имеет ряд особенностей, которые, как кажется в наше время, придают тексту некоторую небрежность. То с прописной, то со строчной буквы Массон пишет географические названия, названия учреждений, имена некоторых святых, первые буквы слов, следующих за восклицательным или вопросительным знаком и др. Он не всегда выделяет кавычками прямую речь, образные выражения, цитаты и т. п., т. к. для этих целей в его время чаще всего служит курсив. При передаче прямой речи не использует и тире, что тоже является правилом. Отличие времени — иное, чем принято сейчас, написание имен некоторых городов. Разным способом оформлено сокращение слов «господин», «госпожа» и «девица» («г.», «г^н», «г^{жа}», «госп.» и др.) и постраничные сноски.

Я не ставил себе цель привести текст к современным требованиям и попытался сохранить многие из отмеченных выше особенностей, которые передают дух эпохи. Кроме того, я сохранил архаичное написание некоторых русских фамилий и слов, как они зафиксированы самим автором (Каменской, Румянцов, Темной и др.). К единству сведено оформление прямой речи, авторских сносок и сокращения, поправлена пунктуация и исправлены ред-

кие, но явные ошибки в написании русских фамилий (возможно, переписчика рукописи или типографского наборщика): Рылеев вместо Клейев, Булгаков вместо Болкунов, Хвостов вместо Гвастов и др.

Цитируемые в записках русскоязычные документы даются с особенностями французского текста даже в том случае, если первоисточник мне известен. Переводя «слово в слово», автор позволял себе вольности, по-своему интерпретируя содержание и даже додумывая его. Квадратные скобки [] вносят мои уточнения. Фигурные скобки {} отмечают сокращения в английском тексте. В некоторых случаях работа английских редакторов оговорена в сносках.

При подготовке издания к публикации было решено сохранить формат первого парижского издания, вследствие чего все комментарии и примечания автора и издателя помещены после каждой главы. При этом сокращены или опущены несколько очень больших примечаний, в которых Массон дал волю своим республиканским мыслям или увлекся глубинами философии. Они не связаны напрямую с текстом и никак не влияют на понимание авторской мысли. Вместе с тем я восстановил несколько пропусков, имеющих в первом русском переводе и никак не отмеченных.

* * *

Когда работа над текстом была закончена, и я занимался правкой комментариев, неожиданно для себя в Интернете я нашел первый русский перевод записок Шарля Массона, сделанный Григорием Степановичем Винским (1752–1819), о котором упомянуто выше. Он озаглавлен «Выписки из *Mémoires secrets sur la R[ussie]* par M.» и датирован 1802 г. Современная публикация выполнена по списку, хранящемуся в Киеве в Отделе рукописей Академии наук Украины*.

* URL: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/2180/1/perevod.pdf>. Публикация Л. Н. Большакова (дата обращения: 15.08.2021). Добавлю, что оригинал перевода Г. С. Винского 1801 г. хранится в фондах Библиотеки Академии наук.

Г. С. Винский воспринял текст некритично и эпиграфом взял горделивое заявление француза во «Вступлении»: «Вы! Желаящие видеть Троны, окруженные рабами или обожателями! Преклоните ваше рабственное чело долу, закройте сию книгу: в ней есть истины». С текстом переводчик поступил очень вольно: многое сократил, переосмыслил, отчасти перекомпоновал (4 и 5 главы объединил в одну, в основной текст включил избранные комментарии) и в отдельных случаях даже дописал (вставки о бесстыдстве русских женщин из престоляродья, о телесных наказаниях и др.). Кроме этого, он усилил эмоциональность оригинала. Например, Массон дает такую характеристику Павлу I в 5 главе: «Странность, принятая им в своем платье, строгость в поведении умножают его некрасивость. Не исключая калмыков и киргизцев, Павел есть безобразнейший в своей империи человек, и он сам находит свою наружность до того оскорбительно обидною, что не дерзнул повелеть напечатать оную на деньгах». Под пером Винского эта фраза обретает такой вид: «Странность, принятая им для своего одевания, жестокость в обхождении неимоверно приумножают его безобразие. Не выключая ни калмыков, ни черемисов, ни чуваш, ни чухон, Павел есть самая гадость во всей империи».

Все перечисленное характерно для старых переводов. Будучи современниками описанных событий, чувствуя в себе писательское дарование, следуя в русле принятой идеологии, а иногда и обходя цензурные ограничения, переводчики многое переписывали и даже развивали авторские мысли, часто выдавая совершенно другое, СВОЕ произведение*. Сейчас такие тексты, в том числе и «Выписки» Винского из «Секретных записок», могут быть интересны в первую очередь при изучении проблемы восприятия

* В этом смысле представляет интерес русский перевод И. Тимковского забытого в наше время сочинения барона Танненберга «Жизнь Екатерины II». В. А. Бильбасов охарактеризовал его так: «Перевод как перевод никуда не годится: снег 7 августа в Петербурге, Могилев заменен Москвой, турки Екатериной и т. п., но очень интересен по допущенным изменениям текста: Танненберг писал при Павле I и поэтому за Петра III; Тимковский переводил при Александре I и поэтому за Екатерину II» (Бильбасов В. А. История Екатерины II. Берлин, 1896. Т. 12, ч. 2. С. 7-9).

современниками книг о России и, конечно же, как образец русского языка ушедшей эпохи. Не будем забывать, что значительная часть отечественной мемуарной литературы XVIII и XIX вв. написана на французском языке и известна нам в довольно поздних переводах, когда русский язык претерпел серьезные перемены.

Перевод выполнен по:

Mémoires secrets sur la Russie. Paris, 1800. Т. 1-2; 1802. Т. 3.

Уточнен по английскому изданию:

Secret memoirs of the court of Petersburg. London, 1800. Vol. 1; 1802. Vol. 2.

Описание «Физического клуба» публикуется по:

[Fortia de Piles] *Voyage de deux Français dans le nord de l'Europe*. Paris, 1796. Т. 3. P. 358-363.

«Опровержение Секретных записок» публикуется по:

[Kotzebuë] *L'Année la plus remarquable de ma vie; Suivie d'une Réfutation des Mémoires secrets sur la Russie*. Par Auguste de Kotzebuë. Paris, 1802.

Для перевода использованы:

Полной Французской и Российской Лексикон: в 2 ч. СПб., 1786.

Полный англо-русский словарь / сост. А. Александровым. СПб., 1879.

Лексика уточнена по:

Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб., 1806-1822.

ПЕРВЫЙ ТОМ

ВСТУПЛЕНИЕ

Я описываю отнюдь не путешествие, но следствие моего долгого в России пребывания. Не надобно искать в этом произведении более или менее точных и тысячу раз повторенных географических описаний, ни приключений в пути или в трактире. Цель моя — доставить публике занимательнейшие замечания и анекдоты о стране и о народе, которые заслуживают быть известны и которые достойны лучшего правительства. Философу и нравоучителю я хочу сообщить наблюдения над сею безмерною империей, беря за центр двор, при котором я находился, за главное ж время смерть Екатерины и восшествие на престол ее сына. Я надеюсь оставить историку некоторой материи о блистательнейшем в последних веках царствовании и о нраве женщины, могущественнейшей и славнейшей, которые занимали когда-либо по Семирамиде трон.

Не менее разительную часть этих записок составит рассказ о странном, наследовавшем ей человеке и об особах, что показывались или показываются на ступенях оногo трона. Я пишу только, что видал, слышал, чувствовал или испытал самолично; и ежели правда неподражаема, то смею думать, что в моем труде оную сыщут*.

Объявляя таковой проект, будет верным заручиться надобным к себе доверием; нет лучшего способа достигнуть сего, как позволяя самому читателю судить, имел ли я случай собрать дея-

* Что же я расскажу о приключившемся по моем изгнании из России, не может иметь равной подлинности, но имею место думать, что все столь же правдиво. — *Примеч. авт.*

ния и записать стоящие того наблюдения. Познакомься с автором, он сможет лучше оценить сочинение; он увидит, мог ли я знать довольно, чтоб говорить так, иной раз такую малость.

Я уже опубликовал некоторые малые сочинения, в коих не был назван, ибо то было обыкновенное сочинительство, и беспокоило оно не более, как мое тщеславие. Но сейчас, когда я дерзаю говорить со смелостью и откровенностью о великой народности, о пышном дворе, о почти обожествленной государыне и особенно о тиране столь же мстительном, как и могущественном, я познакомлю с собою. Я намерен писать полезные записки, но не сатиру или похвалу¹; я даю себе отчет в рассказываемых мною вещах и предлагаемых суждениях, равно как и в возможном последствии этого. О, вы, которые хотят видеть около тронов царей только рабов и обожателей, более не читайте! Опустите ваше холопье чело и закройте книгу: в ней содержатся истины.

Не изгнание, коего я стал жертвою в России, внушило мне эти записки, но, может статься, негодование, дающее мне храбрость их объявить. Далее видно, что мои родственники и российские друзья истребовали от меня сделать сие во имя чести и ради своего оправдания*. Ах! Не возмущению ль должно открыть то все, что преступная признательность принуждает умолчать? Только негодование могло дать мне смелость рассказать, что я и сделаю, о последних происшествиях, что видал в России, когда еще скитаюсь без отечества и без приюта. Уши деспотов столь же длинные, как и руки; я знаю и чувствую, что они слышат и досягают издалека; не важно! Я буду говорить. Они могут сковать и умертвить; но я могу думать и писать, а потому постараюсь употребить это невинное право со столь великою умеренностью, что они не изменят своего могущества.

* Массон подразумевает здесь статью, опубликованную в одном из номеров немецкого журнала «Минерва» и которую он поместил в одиннадцатой главе своего сочинения. Как позднее выяснилось, это была мистификация: письмо написано не родственниками и друзьями, а Августом Коцебу, в чем немецкий сочинитель признался в своем опровержении «Секретных записок» (см. с. ???? наст. изд.).

Эти записи я начал давно, во дворце царей и в то время, когда меня одухотворяли не столь раздраженные чувства. Я в тиши собирал несовершенную материю, которую надеялся однажды увезти, но ожидавшая меня катастрофа, как то увидим впредь, побудила бросить оную в огонь. Мне остались только несколько кусков, коих я имел случай оставить в Германии. Истина не пострадает от этого препятствия, но число деяний и анекдотов от того убавится, само ж сочинение сделается, может стать, менее остро. Я даже не смогу дать ему правильного вида моего первого замысла; в нем сыщутся пустые места, коих я не в состоянии заполнить, ибо моя слабая память есть ныне единственное оставшееся мне пособие.

В последнее время о России много писали; французы сделали это очень поверхностно; англичане как путешественники, которые все примечают на своем пути; немцы ж точно льстецы². Сам я чувствую, уверяю в том, великое предубеждение в пользу русских. Оно внушено мне их добрыми свойствами, гостеприимностью, уважением и дружбою, коих оказывали мне в продолжение десяти лет. Но уравновешивает меня чувство, испытываемое к правительству. Оно основанием имеет ужасы, которых я видал и испытал самолично.

Стало быть, я надеюсь сохранить равновесие между признательностью, которою обязан нации, и негодованием, которым обязан ее правительству; между восхищением, к которому обязывают громкие деяния, и ненавистью, которую внушают те, что намереваются собрать славу оных. Впрочем, разность промежуточных чувств не повлияет на основание вещей; ее можно приметить в мягком или остром слове, вырвавшемся из моего сердца.

Я не стану подражать писателям, которые под предлогом сообщить записки и анекдоты о стране, которую объехали, замешиваются в частные дела и открывают семейную жизнь, иностранца занимающую мало. Очернение обитателей империи, чьею гостеприимностию я пользовался, станет дурною им благодарностию. В согласии с таковыми правилами я воздержусь от касания подробностей, хоть иной раз и занимательных, внутренней жизни многих домов, в которых сыщешь нравы и обычаи другого мира

и другого века. Но я объявляю, что рассматриваю нравы, действия и имя публичной особы как особы всенародной. К какому иному суду можно привести тех людей при должностях, которые уважают только своего тирана, которые полагают, что могут безнаказанно выказывать свои пороки и не боятся современников; тех могущественных мужей, коих можно назвать только в разглагольствовании самых приторных и льстивых? Они схожи с теми аптекарскими снадобьями, которые внушают ужас в чистом виде и которых не иначе можно представить, как только в золотой или серебряной обертке.

Стало быть, прочь от меня, трусливая осторожность; ты мешаешь мне говорить о тиранах при их жизни! Сия жизнь вся для них; есть ли другая какая жизнь для безумцев? Есть ли что после подлецов? После меня хоть потоп, — говорят они; да сопутствует им ненависть и проклятие! Вот те персоны, коих я стараюсь привести и закласть на алтаре разума. Пусть же дойдут до них и смутят их строки, кои я дерзаю писать в своем убежище! Впрочем, буду верить, что употребление моей свободы для мщенья за русский народ, сколько в моих силах, принесет мне от него уважение, ибо имею смелость обнаружить все то, что честные люди мыслят, и представить негодованию Европы тех, кои являют бич и позор человечества.

Сверх того, не только чрез свое имя я намереваюсь ознакомиться с собою, но и чрез часть моей истории, до этих записок относящейся. Что сообщит мое имя тем, которые со мною отнюдь не знакомы? Другие разгадают меня по моему рассказу; их самых я и беру в свидетели его правдивости.